

Журнальное Обозрѣніе.

I.

Въ № 10 „Русской Билы“ московскаго книгоиздательнаго товарищества „Образованіе“, между прочимъ, помѣщено изслѣдованіе Вилбасова объ одномъ изъ трагическихъ эпизодовъ въ 18 столѣтіи нашей исторіи—„Іоаннъ Антоновичъ и Миновичъ“.

То, что послужило канвой для извѣстнаго романа Лажечникова, здѣсь разсказывается въ безстрастномъ историческомъ освѣщеніи, съ ссылками на документы государственнаго архива, архива сената, на дѣлени иностранныхъ пословъ и др. показанія современниковъ.

Іванъ Антоновичъ, съ пеленокъ вѣнчанный на царство, провелъ двѣнадцать лѣтъ (съ 1744 по 1856 годъ) одиночнаго заключенія въ Холмогорахъ, не зная, что содержится въ одной оградѣ съ родною брауншвейгскою семьей, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ отца.

Въ 1756 году онъ тайно, въ глухую ночь, былъ вывезенъ изъ Холмогоръ и доставленъ въ Шлюссельбургъ, а полковнику Выдомскому, главному приставу при брауншвейгской семьѣ, данъ былъ указъ: „оставшихся арестантовъ содержать по прежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, чтобы не подать вида о вывозѣ арестанта; въ кабинетъ нашъ и по отпращиваніи арестанта репортовать, что онъ подъ вашимъ карауломъ находится, какъ и прежде репортовали“.

Этимъ ложными рапортами хотѣли замести слѣды за Иваномъ III, чтобы никто въ Россіи не зналъ, гдѣ собственно обрѣтается развѣнчанный императоръ.

Въ Шлюссельбургѣ Иванъ Антоновичъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину и въ официальной перепискѣ именовался „безъимяннымъ колодникомъ“, или просто—арестантомъ.

Въ инструкціи, данной Шубину гр. А. Шуваловымъ, предписывалось, между прочимъ: „Въ которомъ мѣстѣ

арестантъ содержится, и далеко ли отъ Петербурга или отъ Москвы, арестанту не сказывать, чтобы не знать. Вамъ и командѣ вашей, кто допущенъ будетъ арестанта видѣть, отнюдь никому не сказывать, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ, о чемъ подтвердить подъ смертною казнію коли кто скажетъ“.

Кромѣ коменданта крѣпости, Ивана Антоновича могли видѣть только представленные къ нему прапорщикъ Власевъ и сержантъ Лукинъ, сами очутившіеся въ положеніи заключенныхъ, оторванныхъ отъ вѣшняго міра и людей.

Въ крѣпость никто не впускался, хотя бы пріѣхали генералъ, фельдмаршалъ или подобный имъ.

При уборкѣ казармы отъ „всякой нечистоты“, безъимянный колодникъ прятался надсмотрщиками за ширмы.

Съ воцареніемъ Петра III гр. А. И. Шуваловъ вставилъ въ инструкцію слѣдующій пунктъ: „Если арестантъ станетъ чинить какіе непорядки, или вамъ противности, или же что станетъ говорить непристойное, то сажать тогда на цѣпь, доколѣ онъ усмирится, а буде и того не послушаетъ, то бить по вашему разсмотрѣнію палкою и плетью“.

Еще въ Холмогорахъ Иванъ Антоновичъ бывалъ, „нагъ, босъ и голоденъ“ и терпѣлъ отъ пьяныхъ приставовъ.

Петръ III указомъ отъ 1-го января 1762 года добавлялъ съ своей стороны инструкцію гр. Шувалова: „Буде сверхъ нашего чаянія ктобы отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живого въ руки не отдавать“.

Съ воцареніемъ Екатерины II личный составъ надзора за Иваномъ III былъ совершенно обновленъ.

Шувалова смѣнилъ Н. И. Панинъ; приставами, жившими въ одномъ козematъ съ Иваномъ Антоновичемъ, назначены Власевъ и Чекинъ. Послѣднимъ Н. И. Панинъ писалъ въ секретной инструкціи:

„Ежели паче чаянія случится, чтобы кто пришелъ съ командою или одинъ, хотябъ былъ и комендантъ или иной какой офицеръ, безъ именнаго за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ повелѣнія или безъ письменнаго отъ меня приказа,

и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго никому не отдавать, и почистить все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живаго никому его въ руки не отдавать“.

При попыткѣ Мировичъ освободить Ивана Антоновича это распоряженіе имѣло роковыя послѣдствія...

Бильбасовъ приводитъ подлинныя выписки изъ ряда донесеній одного изъ досмотрщиковъ Ивана Антоновича. Онъ живо характеризуетъ „безъимяннаго колодника“.

„Донешу, что онъ здоровъ, а хотя въ немъ болѣзни никакой не видно, только въ умѣ нѣсколько помѣшался, что его портятъ шептаніемъ, дутіемъ, пусканіемъ изо рта огня и дыма; кто въ постели лежа повернется или ногу переложитъ, за то сердится, сказывалъ, что на него шепчутъ и тѣмъ портятъ“ (29 мая 1759 г.)

„Сего мѣсяца 10 числа осердился, что не далъ я ему ножницъ, кричалъ будто я съ нимъ говорю грубо, а подпоручику, крича говорилъ:—Смѣешь ли ты, свинья, со мной говорить?“—Во время обѣда за столомъ всегда кривляетъ ротъ, головою и ложкою на меня, также и на прочихъ взмахиваетъ, и многія другія проказы дѣлаетъ. Опасность, чтобы не согрѣшить, ежели не донести, что онъ въ умѣ помѣшался, однакомъ весьма сомнѣваюсь, потому о прочемъ обо всемъ говорить порядочно“ (17 іюня т. г.)

„По приказу вашего высокографскаго сіятельства (гр. Шувалова) арестанта спрашивалъ, кто онъ, и онъ называлъ себя принцемъ. На мои разговоры кричалъ:—Смѣешь ты на меня кричать—я здѣшней имперіи принцъ, я—государь вашъ“ (4 іюля 1759 г.).

Изъ тѣхъ же донесеній видно, что офицеры Власевъ и Чекинъ „нарошно раздражаютъ“ заключеннаго.

„Арестантъ здоровъ и временемъ безпокоинъ, а до того всегда его офицеры доводятъ, всегда его дразнятъ“ (19 апрѣля 1760 г.).

Иванъ III не получилъ никакого образованія. Честный приставъ Миллеръ сожалѣлъ надъ малюткою и научилъ его, еще въ Холмогорахъ, русской азбукѣ. Потомъ онъ читалъ книги духовнаго содержанія. Въ Шлюссельбургѣ, во время споровъ съ тю-

ремщиками, онъ „доказываетъ евангеліемъ, апостоломъ, минеею, прологомъ, маргаритою и прочими книгами“.

У него была хорошая память и доброе сердце.

По развитію, Иванъ III въ 24 года былъ совершенный ребенокъ: но ребенокъ раздраженный, нервный; „нрава онъ былъ весьма сердитаго, свѣдѣнаго и горячаго, никакого противорѣчія не сносилъ“, но сумасшедшимъ онъ не былъ.

Безвинный, безобидный, ни на что неспособный Иванъ III Антоновичъ, родился, жилъ и умеръ коронованнымъ мученикомъ. Съ колыбели и до могилы, въ теченіе 24 лѣтъ, онъ всегда былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ политическихъ страстей.

Онъ былъ и убитъ (4 іюля 1764 г.) потому, что какой-то армейской подпоручикъ избралъ его орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Въ изслѣдованіи Бильбасова читатель найдетъ обстоятельную характеристику и подпоручика Мировичъ. Документально шагъ за шагомъ, простѣженъ строй его жизни, его родословная, развитіе навязчивой идеи объ освобожденіи и возведеніи на прародительскій престолъ шлюссельбургскаго узника; подробно разсказаны событія дня и ночи, когда Мировичъ былъ близокъ къ тому, чтобы „схватить фортуна за чубъ“,—пробился до каземата Ивана Антоновича, но нашелъ тамъ на полу въ лужѣ крови только трупъ, еще теплый.

Мировича публично казнили и сожгли вмѣстѣ съ эшафотомъ; другіе—невольные участники этой „отчаянной ухватки“ приговорены къ разнымъ степенямъ наказанія.

II.

В. Ключевскій даетъ въ январьской книжкѣ „Русск. Мысли“ характеристику русскаго общества „въ минуту смерти Цетра Великаго“, говоритъ объ отношеніи низовъ и верха этого общества къ реформѣ Петра.

Обычное достоинство историческихъ трудовъ профессора—мастерство и сжатость личныхъ характеристикъ—выступаетъ и въ этой небольшой статьѣ—отрывкѣ изъ подготавливаемаго къ печати 4-го выпуска его курса русской исторіи.

Птенцовъ гнѣзда Петрова Ключев-

скій называется дѣльцами—самоучками, необремененными талантами самого преобразователя.

Сотрудники реформы по-неволѣ—эти люди не были въ душѣ ея искренними приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала имъ выгодное положеніе.

Петръ служилъ своему русскому отечеству, но служить Петру еще не значило служить Россіи. Идея отечества была для его слугъ слишкомъ высока, не по ихъ росту.

Ближайшіе къ Петру люди, говорить Ключевскій, были не дѣятели реформы, а его личные дворовые слуги. Онъ порой колотилъ ихъ, порой готовъ былъ видѣть въ нихъ своихъ сотрудниковъ, чтобы тѣмъ ослабить въ себѣ чувство скуки своимъ самодержавнымъ одиночествомъ.

Кн. Меншиковъ, герцогъ ижорской земли, отважный мастеръ брать, красть и подчасъ лгать, графъ Толстой, тонкій умъ, умѣвшій всякое дѣло выворотить лицомъ на изнанку и изнанкой на лицо, графъ Апраксинъ, добрый адмиралъ, хлѣбосоль, изъ дома котораго трудно было уйти трезвымъ, баронъ Остерманъ, дипломатическій оракулъ, который никогда въ подвернушемся случаѣ не находился, что сказать, и потому прослылъ непроницаемо-скрытнымъ, а вынужденный высказаться, либо мгновенно заболтывалъ послушной тошнотой, либо начиналъ говорить такъ загадочно, что переставалъ понимать самъ себя, наконецъ неистовый Ягужинскій, всегда буйный и зачастую навеселѣ, лѣзшій съ кулаками и дерзостями на перваго встречнаго, годившійся въ первые трагики страстующей драматической труппы и угодившій въ первые генералъ-прокуроры сената: вотъ наиболее влиятельные люди, въ рукахъ которыхъ очутились судьбы Россіи въ минуту смерти Петра.

Суровая воля преобразователя объединяла этихъ людей призракомъ какого-то общаго дѣла.

Но когда въ лицѣ Екатерины I на престолѣ явился фантомъ власти, они почувствовали себя сами собой и трезвенно взглянули на свои взаимныя отношенія, какъ и на свое положеніе въ управляемой странѣ: они возненавидѣли другъ друга, какъ старые друзья,

и принялись торговать Россіей, какъ ея властители.

Недостроенная храмина, какъ называлъ Меншиковъ Россію послѣ Петра, достраивалась уже не по петровскому плану.

III.

Историческій матеріалъ составляетъ положительную часть содержанія нашихъ ежемѣсячниковъ—все остальное является въ большей или меньшей степени балластамъ...

Историческіе мемуары и изслѣдованія, письма историко-литературнаго характера находятъ себѣ пріютъ и почетное мѣсто почти во всѣхъ журналахъ—даже въ тѣхъ, которые не прочь поглумиться надъ „Русской Стариной“...

Только-то декаденты овладѣли всѣми позиціями въ литературѣ, какъ ихъ постигла судьба тѣхъ свободныхъ реформаторовъ, надъ которыми издѣвался въ спорахъ съ Омои Гордѣвымъ старикъ Маякинъ:—пусть дадутъ вамъ полную свободу говорить и строить жизнь, и вы тотчасъ же начнете испущать духъ.

По традиціи декаденты еще держатся въ нѣсколькихъ изданіяхъ, но въ пѣсняхъ ихъ давно уже звучатъ похоронные мотивы.

Съ прежней назойливостью они стараются и себя, и другихъ убѣдить въ томъ, что для всѣхъ очевидно, ясно.

Особенно ярко выражено это самобичеваніе и „отреченіе“ въ букетѣ стиховъ „семи поэтовъ“, осѣвшихъ въ „Русской Мысли“ (январь).

— Ты пойми, зудитъ З. Гиппіусъ: мы ни тамъ, ни тутъ. Дѣло наше такое,—бездомное...

— Все кончено,—вторитъ ей Валерій Брюсовъ: я понялъ безнадежность меня издавна мучившей мечты.

Александръ Блокъ, съ подкупающей искренностью и прямою, адресуется къ „друзьямъ“ съ отходной, относительно смысла которой не можетъ быть никакихъ разногласій. Вещи называются ихъ собственными именами, и рѣзкость обличительнаго тона сближаетъ въ данномъ случаѣ декадента съ реалистами—поэтами, съ „гражданской скорбью“ ихъ музы.

Другъ другу мы тайно враждебны, Завистливы, глухи, чужды...

Что дѣлать! Въдъ каждый старался
Свой собственный домъ отравить,

Всѣ стѣны пропитаны ядомъ
И негдѣ главу приклонить!
Что дѣлать! Извѣрившись въ счастье,
Отъ смѣху мы сходимъ съ ума,
И, пьяные, съ улицы смотримъ,
Какъ рушатся наши дома!
Предатели въ жизни и дружбѣ,
Пустыхъ расточители словъ,
Что дѣлать! Мы путь расчищаемъ
Для нашихъ далекихъ сыновъ!

Но поэтъ не обольщается даже за-
поздалой признательностью грядущихъ
поколѣній. Не за что! Его даже стра-
шить, что когда-нибудь найдется исто-
рикъ, — напишетъ о немъ и его „друзь-
яхъ“ внушительный трудъ, и заму-
чаетъ ни въ чемъ неповинныхъ ребятъ
„ворохомъ скверныхъ цитатъ“...

Отъ стыда и безсильнаго гнѣва у
него вырывается въ заключеніе бурное
проклятіе:

Зарыться бы въ свѣжемъ бурьянѣ,
Забиться бы сномъ навсегда!
Молчите, проклятыя книги!
Я васъ не писалъ никогда!

До сихъ поръ по части „пакостни-
чества“ и всяческихъ уродствъ, пальма
первенства принадлежала А. Камен-
скому.

Въ настоящее время ее оспариваетъ
одинъ изъ тѣхъ же „семи поэтовъ“ —
Федоръ Сологубъ-Передоновъ...

То, что онъ съ сладострастнымъ
томленіемъ воспѣваетъ въ наброскѣ
„Бѣлая березка“ (см. ту же „Русскую
Мысль“ — январь 1909 года), оставляетъ
далеко позади себя всѣ переѣвы о
скотоложествѣ и прочихъ половыхъ
извращеніяхъ.

По обыкновенію, раздраженному во-
ображенію Сологуба потребовался „ма-
ленькій, тоненькій, блѣдный мальчикъ“,
чтобы удовлетворить его потребности
литературнаго пакостничества, такъ
роднящей автора съ собственнымъ
Передоновымъ (изъ „Мелкаго Бѣса“).

Если бы пересказывать „Бѣлую бе-
резку“, получился бы тотъ „ворохъ
скверныхъ цитатъ“, который Але-
ксандръ Блокъ считаетъ характернымъ
для своихъ „друзей“, источающихъ
ядовитую слюну порнографіи.

Что дѣлать! Вѣдь каждый (изъ
нихъ) старался
Свой собственный домъ отравить,
Всѣ стѣны пропитаны ядомъ
И негдѣ главу приклонить!